

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР ЭКОНОМИКИ

ПРЕОДОЛЕВАЯ ОГРАНИЧЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА¹

С. Г. Кирдина

*В статье рассматриваются возможности и ограничения принципа методологического индивидуализма, входящего в ядро базовых предпосылок *mainstream economics*. Приводятся дискуссии по поводу принципа методологического индивидуализма в современном российском обществоведении. Тестируется предпосылка «методологического институционализма», реализующая холистический принцип в отношении анализа социальных и экономических систем. Рассматриваются перспективы принципа методологического институционализма в развитии гетеродоксной экономической теории.*

1. Введение

В нашей статье рассматриваются три основных вопроса². Во-первых, охарактеризована роль методологического индивидуализма в общей структуре предпосылок мейнстрима. Опора на этот принцип позволяет ортодоксальной теории вбирать в себя все новые и новые идеи, как показали «неоклассический синтез» и «новый неоклассический синтез».

Во-вторых, представлены некоторые дискуссии вокруг принципа методологического индивидуализма в современном российском обществоведении. Нельзя не признать, что сегодня в нашей стране научный дискурс в области социологической и экономической теории, особенно при обсуждении методологических проблем, зачастую концентрируется вокруг работ представителей мировой научной мысли. Как правило, речь идет об авторах из стран «Большой четверки» (США, Великобритания, Германия и Франция)³. Интерес к отечественным теоретическим исследованиям существенно снизился в постсоветской России, как и вера в творческие возможности наших обществоведов. Нам с этой тенденцией трудно примириться. Стараясь восполнить недостаток внутренних методологических дискуссий, отдельный параграф посвятим полемике с российскими социологами и экономистами, которые стремятся преодолевать ограничения принципа методологического индивидуализма.

В-третьих, мы не могли не уделить внимания возможным альтернативам принципу методологического индивидуализма, поскольку критика «сама по себе» представляется недостаточно конструктивной. Дело не в том, что предпосылка методологического индивидуализма в принципе неверна — для определенного круга задач такое представление и сопряженная с ним структура категорий экономического мейнстрима наверняка применимы. В то же время для понимания, например, долговременных процессов социально-экономической динамики необходимы, на наш взгляд, иные «методологические линзы». Поэтому в отдельном параграфе обсуждается принцип методологического институционализма, на основе которого идет формирование иных исследовательских подходов в параллельном мейнстриму направлении гетеродоксной экономики. В заключении статьи суммируются полученные выводы.

2. Принцип методологического индивидуализма в концептуальном ядре *mainstream economics*

Принцип методологического индивидуализма лежит в основании концептуального ядра *mainstream economics* и занимает главенствующее положение в общей категориальной структуре этого направления. Под *mainstream economics* понимается общедисциплинарная организация экономического знания, которая может быть описана как концептуальная популяция, объединенная общими идеалами и нормами экономических исследований. *Mainstream economics* называют также ортодоксальной экономической теорией, т. е. доминирующей школой экономической мысли,

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-02-00088а.

² В основу статьи положен доклад автора на научном семинаре в Институте экономики РАН 23 мая 2013 г.

³ Термин «Большая четверка» (*Big Four*) предложен Грегори Сандстромом (*Gregory Sandstrom*).

которой сегодня является неоклассическое направление [52, с. 490].

Ученые, посвятившие специальные монографии анализу методологического индивидуализма, скептически относятся к тому, чтобы достичь окончательной договоренности по поводу его содержания [64]. Тем не менее большинство из них согласны с тем, что методологический индивидуализм «предполагает объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения» [45, с. 98]. Хотя индивидуализм не представляет собой «апологию эгоизма», тем не менее, согласно данному принципу, все экономические феномены понимаются через индивидуальные действия экономических агентов. Экономический субъект — таковым может полагаться как индивид, так и фирма и даже государство — служит главной отправной точкой теоретического анализа [47, с. 36] не только на микро-, но и на макроуровне. Так, в 1970-е гг. Э. Фелпс, а также Дж. Акерлоф призвали «ввести индивидов в экономические макромоделли» [46, с. 46], полагая, что макроэкономика, вслед за микроэкономикой, должна быть основана на «поведенческих соображениях».

Таким образом, в рамках экономического мэйнстрима имеет место расширение действия принципа методологического индивидуализма от уровня микроэкономики до уровня макроэкономических процессов. Технически это выражается в том, что изучаются законы поведения индивидуальных экономических агентов — домохозяйств и фирм, а затем происходит отождествление законов агрегированного поведения с законами индивидуального поведения (что Р. Хайлброннер обозначил как «подход к экономическим проблемам посредством изучения определенных агрегированных процессов» (см. [56, с. 21]). Сегодня такой подход, при котором «макроэкономическая динамика получается из простого агрегирования индивидуальных действий» [13, с. 52], а макроэкономическое развитие выводят из поведения микроэкономических единиц [49, с. 570; 51, с. 5-7], продолжает доминировать в сознании современных ортодоксальных экономистов.

Используют обычно два метода агрегирования:

— агрегирование экономических ресурсов, то есть соединение видов товаров и переменных в составные компоненты. Но в этом случае, как правило, игнорируется изменение относительных цен — и в модели составного товара Д. Хикса — *composite commodity theorem*, и в модели Дж. Кейнса, выделявшего четыре вида

рынков: рынок товаров, включающих потребительские и инвестиционные; рынок денег; рынок облигаций и всех неденежных активов; рынок рабочей силы [12];

— разработка модели агрегированного поведения, когда «поведение группы фирм или агентов подчиняется тем же законам, что и поведение отдельных единиц» [44, с. 373]. Совокупная экономика рассматривается в данном случае как совокупность индивидуальных рынков или индивидуальных кривых спроса и предложения, в предположении, что «все индивидуальные мотивы, действующие в определенном направлении, могут слагаться вместе в один общий мотив с точки зрения хозяйства, рассматриваемого в целом» [43, с. 54].

Справедливости ради следует отметить, что данная логика не признается абсолютно бесспорной, и вопросы о возможностях и способах агрегирования до сих пор остаются открытыми, что фиксирует известная «проблема соединения» (*fallacy of composition*). Так, в экономической теории по-прежнему неясно, как агрегировать индивидуальные доходы в «общественный доход» [44, с. 296-300], а также индивидуальные потребности и предпочтения — в общественные. Наиболее содержательный и всеобъемлющий анализ дискуссий вокруг последнего вопроса, с постоянной актуализацией, дается в работах А.Я. Рубинштейна 2009–2012 гг.

Аналогичный вопрос возникает при работе с агрегированной производственной функцией в моделях экономического роста. Здесь можно сослаться на известную дискуссию «двух Кембриджей»: между Кембриджской школой (Кембриджский университет, Великобритания) и неоклассической школой (Массачусетский технологический институт, г. Кембридж, Массачусетс, США, к которой относятся Дж. Робинсон, П. Сраффу и П. Калдора)¹. Дискуссия показала, что так и не найдено убедительного решения корректного агрегирования гетерогенных капитальных благ в «совокупный капитал».

Подытоживая вышеизложенное, можно видеть, что в описанных попытках перехода на макроуровень анализа не удастся отказаться от принципа методологического индивидуализма. Речь идет лишь о новых «субъектах» — групповом (при котором суммируются индивидуальные действия) или государственном.

Основанная на принципе методологического индивидуализма система постулатов

¹ Об этом см. [12; 40] и др.

ортодоксальной экономики, берущая начало от классического труда «Принципы экономической науки» А. Маршалла (1890), оформилась уже в первой трети XX в. К тому времени принцип «методологического индивидуализма» терминологически уже был введен в программу экономических исследований Й.А. Шумпетером [62], который впервые «дал название тому, что уже и так объединяло неоклассических авторов и отличало их от своих классических предшественников» [14, с. 112]. Базирующаяся на принципе методологического индивидуализма система постулатов сохраняет свою устойчивость, и пока не сложилось альтернативного сравнимого по популярности и проработанности направления экономического знания, базирующегося на иных методологических предпосылках.

Отмеченная устойчивость мировоззренческого ядра, или *hard core*, по Лавоие [59], ортодоксальной экономической теории, а также явная или неявная приверженность поколений экономистов принципу методологического индивидуализма объясняют возможности постоянного синтеза предпринимаемых теоретических инноваций с мейнстримом.

Так, в свое время Дж. М. Кейнс [17] показал, что рыночная экономика страдает внутренней неустойчивостью и невозможностью установления рыночного равновесия в силу неопределенности соотношения сбережений и инвестиций, невозможности достижения полной занятости и т. д. Его выводы о том, что в связи с этим государственные расходы и «социализированные» инвестиции следует рассматривать как эндогенные экономические переменные, представлялись сначала как «кейнсианская революция». Но впоследствии идеи Кейнса стали восприниматься лишь как уточнение условий рыночного равновесия и тем самым его дополнительное доказательство. Неоклассики Дж. Хикс и П.А. Самуэльсон в результате операции, получившей название «неоклассический синтез», органично включили идеи Кейнса для улучшения неоклассической теории [40, с. 37]. Это представляется вполне естественным, поскольку Кейнс также моделировал экономику, в которой действуют индивиды, максимизирующие свою полезность.

То же справедливо в отношении современной поведенческой теории. «При своем появлении на свет она рассматривалась как альтернатива традиционной неоклассической микротехории и всему западному мейнстриму в целом. Однако в настоящий момент нарождается тенденция включения *behavioral economics*

в состав «основного ядра» экономической теории Запада» [46, с. 38].

Аналогичная ситуация характеризует неoinституциональную экономическую теорию, которая не отменяет, но, по сути, развивает неоклассику и ее методологические основания. Исследователи отмечают, что неoinституционалисты, хотя и стремились выйти за пределы базовых постулатов ортодоксальной теории, остались в рамках ее парадигмы [26, с. 11]. Как отмечает М. Блауг, «школа институциональной теории представляет собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки» [6, с. 958]. В неoinституциональной теории институты рассматриваются как «правила игры», сознательно созданные индивидами для организации взаимодействия с целью структурирования стимулов обмена и уменьшения трансакционных издержек при максимизации полезного эффекта [29, с. 16]. Порой их понимают как социальные организации, «формирующие долговременные рутинизированные схемы поведения» индивидов [45, с. 37] или как устойчивые стереотипы индивидуальных действий — «рутины» [25] и т. п.

Во всех этих случаях исследователи исходят из предпосылки методологического индивидуализма, предполагающего объяснение становления и развития институтов «в терминах индивидуального человеческого поведения». Как отмечает О.И. Ананьин, даже основатель новой институциональной экономики Д. Норт пишет о том, что экономика «отказывается от изучения того контекста, в котором делается выбор» [2, с. 34]. Поэтому трудно не согласиться с тем, что «и по своей методологии, и по теоретическому содержанию, и по общему социальному смыслу выводов неoinституционализм продолжает — в преобразованном, модифицированном виде — линию либеральной экономической теории, уходя корнями в традиции неоклассики» [46, с. 194].

Очередной «новый неоклассический синтез» зафиксирован совсем недавно [65]. На нынешнем этапе развития мейнстрима удалось не только соединить неоклассическую модель общего рыночного равновесия и кейнсианскую макроэконометрическую стохастическую модель, но дополнить их теориями рациональных ожиданий, реального делового цикла и монетаристской теорией инфляции [30, с. 20-21]. Как и на предыдущем этапе, возможность очередного синтеза обусловлена общностью базовых предпосылок популяции экономистов, объединенных общими идеалами и нор-

мами экономических исследований. Принцип методологического индивидуализма играет среди них ведущую роль.

3. Дискуссии вокруг принципа методологического индивидуализма в российском обществоведении

Социологическая и экономическая теории, имеющие общие исторические корни и являющиеся разделами обществоведения, часто имеют дело с аналогичными методологическими проблемами, и это иллюстрирует принцип методологического индивидуализма. Экономист Й. Шумпетер, являясь учеником социолога М. Вебера, обозначил и применил в экономической теории подход своего учителя, известный сейчас как «методологический индивидуализм» (об этом см. [64, р. 214; 39, с. 132]). Именно Веберу принадлежит приоритет в теоретической разработке этого принципа, и на него ссылался Шумпетер в своих работах.

Однако в самой социологии недостаточность опоры на принцип методологического индивидуализма была осознана уже в период ее становления как самостоятельной дисциплины. Один из основоположников социологии Э. Дюркгейм еще в конце XIX в. писал о том, что общество есть реальность *sui generis* («как она есть»), которая не выводится из свойств действующих в обществе субъектов [15], что позволяет считать французского ученого сторонником теоретической предпосылки о «методологическом коллективизме», или «холизме». Именно ему, прежде всего, противостоял его современник и теоретический оппонент Макс Вебер, наиболее известный приверженец методологического индивидуализма. С тех пор дискуссия между представителями первого подхода с требованием «рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям», и представителями второго подхода «с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов», не прекращается, и она известна экономистам [34, с. 16].

Специфика двух названных подходов отчетливо проявляется в исследованиях современных социологов. В полной мере это относится и к российским ученым, которые, даже работая в одних и тех же предметных областях, могут по-разному видеть свой предмет. В качестве характерного примера можно отметить разные подходы к определению экономической социологии — отрасли социологического знания, ко-

торая начала складываться в России в 1990-е гг. Так, московский социолог В. В. Радаев в своем курсе лекций по экономической социологии определил в качестве предмета новой дисциплины изучение социологического, социально-экономического человека [32, с. 158-159]. В рамках же Новосибирской экономико-социологической школы к предмету экономической социологии относят экономические институты, неизменное институциональное ядро экономической системы [5, с. 11].

В социологии постоянно предпринимаются попытки преодоления ограничений принципа методологического индивидуализма. Одно из направлений в зарубежной и отечественной науке связано с конструированием «интегративных социологических парадигм» (Дж. Ритцер, Дж. Александер, И. Девятко и др.). Известный российский социолог В. А. Ядов [48] обозначает попытку построения объединяющего подхода термином «деятельностно-активистская парадигма». К ее сторонникам, помимо упомянутых авторов, он относит М. Арчер, Э. Гидденса, П. Бурдьё и П. Штомпку. К этому направлению можно также отнести работы П. Бергера и Т. Лукмана, Р. Бхаскара и др. [38]. Активистско-деятельностный подход, по мнению ряда исследователей, выступает «метаподходом, соединяющим разные теоретические традиции для анализа взаимодействия „структуры” и „агента”» [37, с. 65].

Тем не менее, при всем значении разработок в области активистско-деятельностной парадигмы, в ее рамках, на наш взгляд, не удастся преодолеть альтернативность каждого из обозначенных подходов. Хотя А. Я. Рубинштейн, как и указанные выше авторы, полагает, что можно говорить о «синтезе микро- и макро-социологических подходов, ... сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора в качестве первоосновы одного из них» [36, с. 16], не все согласны с такой точкой зрения.

Так, определение структуры у Гидденса в его структурационной теории лишает структуру ее автономных свойств (тем самым автор «уходит» с позиций методологического холизма), и фокусом анализа становится рассмотрение действий социальных субъектов. Фактически Гидденс подходит к анализу системы с позиций микросоциологического подхода и принципа методологического индивидуализма. Не признана также убедительной аргументация Бурдьё, пытавшегося найти «средний пункт между действием и структурой» [7]. Поэтому якобы имеющий место синтез двух основопо-

лагающих социологических подходов в этой и других концепциях продолжает «оставаться проблематичным» [11].

Анализ многолетних дискуссий между сторонниками двух подходов и неудовлетворенность результатами их «синтеза» в социологии позволяют предположить, что в данном случае имеет место дополнительность подходов, когда знания об обществе получаются в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Несводимость в данном случае означает невозможность придерживаться одновременно двух подходов (или их «синтеза») при проведении конкретного исследования, что не снимает возможности использования либо того, либо другого при решении разных исследовательских задач.

Очевидно, что в рамках одного подхода невозможно более или менее полно объяснить социальные процессы. Именно поэтому макросоциологический дюркгеймовский и микросоциологический веберинский подходы следует считать не противоборствующими, а поддерживающими друг друга. Тем более, что в реальной жизни макро- и микроуровни взаимосвязаны. Так, Э. Гидденс пишет, что «макроструктурные свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях», и, наоборот, «многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов» [9, с. 69]. Поэтому их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга [33, с. 420].

Что касается работ отечественных экономистов, то особого анализа, на наш взгляд, заслуживает попытка преодоления ограничений принципа методологического индивидуализма при построении теорий экономической социодинамики [10] и опекаемых благ [34, 35]. Их авторы полагают необходимым отказаться от абсолютизации принципа методологического индивидуализма и вводят вместо него так называемый «принцип комплементарности» (подробнее см. ниже). Но действительно ли речь идет о замене принципа методологического индивидуализма, или он, хотя в расширительной трактовке, сохраняет свое содержание и, соответственно, накладывает свои собственные ему ограничения на авторские теоретические схемы? Мы склонны признать, что второе утверждение более справедливо, и приведем свои аргументы.

Итак, одним из основных положений обеих теорий является включение в модель рыноч-

ного равновесия, наряду с акторами с их функцией индивидуальной полезности, государства как актора с функцией социальной полезности, что и рассматривается как «отказ от принципа методологического индивидуализма» [35, с. 56]. Тем самым предполагается, что методологический индивидуализм заменяется принципом комплементарности индивидуальных и социальных полезностей, более мягким и реалистичным. Данное утверждение позволяет Рубинштейну и Гринбергу продолжить свои построения в рамках неоклассической школы экономической мысли и использовать идеи маржиналистского подхода. При этом принцип методологического индивидуализма продолжает, на наш взгляд, оставаться опорой их концепций.

Почему мы так полагаем? Вслед за большинством исследователей принцип методологического индивидуализма понимается нами более широко, чем это понимают авторы рассматриваемых теорий. По сути он означает не только и не столько анализ функций исключительно индивидуальной полезности (как полагают авторы), сколько «объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения», как было показано ранее. С этой точки зрения неважно, о каких игроках рынка идет речь — о фирмах или о «некоммерческой организации» под названием «государство». В соответствии с рыночными правилами и те, и другие максимизируют полезность (индивидуальную или социальную) — иначе невозможно применение корпуса моделей маржиналистского направления, на которые опираются авторы экономической социодинамики и теории опекаемых благ. Государство как «дополнительный игрок, оперирующий на рынке наряду с другими его субъектами» [34, с. 22], не может не стремиться к максимизации своего дохода. Авторы прямо на это указывают: «Наряду с ними (участниками рынка — СК) субъектом рынка станет и государство, с присущей только ему функцией социальной полезности, которую оно и будет максимизировать в рамках находящихся его собственности ресурсов» [34, с. 79].

Но такой подход есть отражение предпосылки методологического индивидуализма в отмеченной ранее широкой трактовке. Вот как пишет об этом А. Шаститко: «Методологический индивидуализм позволяет ... рассматривать поведение фирм в терминах максимизации полезности менеджеров, реально контролирующих ту или иную фирму, так же как государство — в терминах максими-

зации полезности чиновников, политиков или групп с однородными экономическими интересами» [47, с. 36]. На наш взгляд, неявное сохранение фундаментального принципа методологического индивидуализма в отмеченных теориях определяет одно из постоянных направлений их критики со стороны оппонентов. Речь идет о подразумеваемых возможностях произвола государства — «некоммерческой организации», реализующей так называемый «социальный интерес».

Дополнительным аргументом в пользу действительной опоры на принцип методологического индивидуализма является и то, что построенные авторами математические модели имеют в своей основе модель Викселля — Линдаля. Но Викселль, по признанию Дж. Бьюкенена, которого цитирует А.Я. Рубинштейн [36, с. 15], опирался, прежде всего, на принцип методологического индивидуализма. Тем не менее, А.Я. Рубинштейн доказывает специальную лемму для того, чтобы обосновать использование модели равновесия Викселля — Линдаля для случая вертикального суммирования функций спроса индивидуумов (в агрегатной форме) и государства как носителя общественного интереса [36, с. 62]. При этом благо, оцениваемое как общественное, входит в функцию полезности одновременно индивидуумов и государства и «приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для всех индивидуумов..., оно выступает в качестве общественного товара для пары носителей» [34, с. 62] разных групп интересов — сводимых и несводимых.

Авторам приходится прибегать и к другим оговоркам, связанным с исходными предпосылками, не выходящими за рамки методологического индивидуализма. Отмечается, с одной стороны, что введение группы несводимых благ означает «смягчение» классического требования взаимной независимости поведения субъектов рынка» [34, с. 99]. В то же время в предложенной математической модели рыночные игроки и государство действуют независимо, «вступая в составительное взаимодействие ... в «борьбе» за ограниченные ресурсы» [34, с. 60], что и приводит, в конечном счете, к рыночному равновесию.

Неопределенность этих положений показывает, на наш взгляд, что ограничения, связанные с применением принципа методологического индивидуализма, преодолеть не удастся.

Можно найти подтверждение этому в дальнейшем развитии теории опекаемых благ как основы социального либерализма в экономи-

ческой теории [36]. Говоря о том, как же определяются «общественные предпочтения, основанные на социально одобряемых ценностях и этических нормах, идеях справедливости и целесообразности, иных социальных установках» [36, с. 20-21], автор в итоге приходит к следующему выводу: это будут делать некие «другие люди» из политической системы, или «то небольшое количество выбранных индивидуумов, кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благосостоянии» [36, с. 10]. При этом иных принципов, кроме методологического индивидуализма, исходя из которых можно говорить о так понимаемых механизмах формирования общественного интереса, автор, на наш взгляд, не приводит. Более того, он прямо указывает на вытекающие из этого принципа проблемы «принципала — агента», которые могут возникнуть в ходе реализации этими «другими людьми» общественного интереса [36, с. 14].

Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что попытки преодолеть ограничения методологического индивидуализма путем его «синтеза» с альтернативными принципами, т. е. принципами методологического холизма или методологического коллективизма, пока не дали убедительных результатов. Это характерно как для социологической, так и экономической теории¹.

4. Методологический институционализм как выражение холистического подхода в обществоведении

В работах экономистов и социологов оппозицией методологическому индивидуализму нередко выступает принцип методологического холизма. В соответствии с ним речь идет о рассмотрении общества как целостной системы, отличающейся от суммы образующих его индивидов. Соглашаясь «по духу» с такой трактовкой, полагаем необходимым рассмотреть данный принцип более предметно.

Методологический холизм — это гносеологическая философская предпосылка, суть которой состоит в понимании того, что «целое больше суммы своих частей». При этом холистическая позиция заключается в приоритетном рассмотрении целого с точки зрения новых качеств, возникающих при взаимодей-

¹ Этот вывод мы распространяем и на принцип институционального индивидуализма, предлагавшийся как «средний путь» между методологическим индивидуализмом и методологическим холизмом [50; 63]. Подробнее об этом см. [19].

вии его элементов и отсутствующих у них самих.

Холизм противостоит редукционизму, при котором специфика целого «ищется» в составляющих его частях, а само целое сводится к набору образующих его первичных элементов. Методологический редукционизм и методологический холизм по-разному интерпретируют системы, рассматривая их либо как аддитивные, в которых система образуется как сумма своих частей, либо как эмерджентные или целостные, с наличием особых свойств. Живые и социальные системы принадлежат, как правило, ко второму виду.

Редукционизм и холизм, так же как анализ и синтез — это два комплементарных познавательных приема, эффективных для решения различных исследовательских задач, и они достаточно широко используются в разных системах знания, как естественно-научных, так и социально-гуманитарных. Однако каждый из этих приемов может быть гипертрофирован [28]. Ограничения методологического редукционизма могут полностью свести высшее к низшему, отказав высшим формам в специфике и самостоятельности. Это характерно, например, для биологизма при рассмотрении социальных систем. В свою очередь, абсолютизация целостности может приводить к отрыву высшего от низшего как в структурном, так и в генетически-эволюционном отношении. В экономике это может выражаться в пренебрежении к анализу механизмов обеспечения целостности экономических систем, а также в излишней абстракции экономических категорий, что было характерно, на наш взгляд, для политической экономии социализма.

Методологический холизм и методологический редукционизм являются частью общей методики научного познания и необходимо предполагают друг друга [27, с. 430]. В тех или иных научных исследованиях они получают, как правило, конкретное содержание в зависимости от предметного поля. Разделяя данный тезис, мы полагаем, что в экономической теории принцип редукционизма выражается в принципе методологического индивидуализма, с чем согласны и другие исследователи. Так, в соответствующей статье «Словаря терминов по институциональной экономике» отмечено, что «в экономической теории методологический индивидуализм представляет собой реализацию общеполитического принципа методологического редукционизма, поскольку выводит свойства системы (экономики) из свойств ее элементов» [22]. Реализующая

принцип методологического индивидуализма упрощенная модель *homo economicus* позволяет выявить некоторые закономерности экономического поведения, преимущественно на микроуровне, и использовать математическое моделирование для анализа экономических процессов.

В свою очередь, выражением методологического холизма в анализе экономических и социальных систем может служить, на наш взгляд, методологический институционализм¹. Он представляется адекватной оппозицией принципу методологического индивидуализма и по смыслу, и по названию.

Под методологическим институционализмом (подробнее см. [19]) понимается подход к исследованию любой социальной, в том числе экономической (от микро- до макроуровня) системы с точки зрения поддерживающих ее целостность и развитие формальных и неформальных правил (институтов), и объяснение общественных явлений в терминах функционирования и изменения институциональной структуры.

Хотя базирующийся на этом принципе анализ не нов для социологов и политологов и применяется также в экономических исследованиях (см., например, [54, 55, 31, 4, 18, 21]), его осмысление находится, по-видимому, на начальном этапе. В свое время, как было отмечено ранее, появление термина «методологический индивидуализм» послужило оформлением концептуального отличия неоклассиков от классической политэкономии спустя десятилетия после фактического размежевания между ними. Очевидно, осознание специфики альтернативной теперь уже по отношению к неоклассике методологии также займет некоторое время. Научная рефлексия по поводу предпосылок, которые фактически использует рыхлая пока еще гетеродоксия², находится в начале пути.

¹ В предлагаемом контексте термин «методологический институционализм» является категориальной новацией. До сих пор, насколько нам известно, в России аналогичный термин использовался лишь при анализе развития научных направлений, где речь шла собственно об «институционализации методологий», характеризующих структуру и развитие науки [41, 42, 23].

² Сегодня мейнстриму как ортодоксальной теории противостоит гетеродоксная экономика, включающая направления, «не опирающиеся на набор далеких от жизни исходных предпосылок ортодоксии» [53, р. 295]. Общим для гетеродоксной экономики является явно или неявно разделяемый «взгляд на социальную реальность как открытую, процессуальную и внутренне взаимосвязанную» [60, р. 497]. В то же время гетеродоксное направление вну-

Следует подчеркнуть, что методологический институционализм не следует понимать лишь в онтологическом смысле, имея в виду институты как объект анализа. Речь идет об ином взгляде на экономическую реальность, когда институты полагаются главной исследуемой причиной наблюдаемых феноменов и различий экономической жизни (как при методологическом индивидуализме такой причиной понимается определенное рамками исходных постулатов поведение индивидов). Другими словами, основное внимание уделяется контексту, в котором действуют индивиды, а именно — системе правил, институциональной среде.

Одной из зарубежных редких пока работ, где, среди прочего, вводится и обсуждается термин «методологический институционализм» (*methodological institutionalism*), является препринт (*discussion paper*) Пита Кейзера из Утрехтского университета, посвященный методологическому анализу изучения институтов в социологии и экономике. Сутью введенного им понятия «*methodological institutionalism*» Кейзер считает уровень объяснения того или иного устоявшегося явления и связанность с действующими на этом уровне правилами, идет ли речь о правилах внутри фирмы или на макроуровне [57, р.13-14]. Однако утверждение Кейзера о том, что методологический институционализм представляет собой «синтез методологического коллективизма как макроподхода и методологического индивидуализма как микроподхода» [57, р. 20], повторяет проанализированные в предыдущем параграфе сентенции, уже подвергнутые нами критике. Убеждение Кейзера в том, что при этом снимаются противоречия между микро- и макроуровнем (*Ibid.*), вызывает недоумение.

На наш взгляд, проблема сложнее. Переход от микро- к макроуровню анализа не связан с агрегацией «индивидов в коллектив». Имеет место переход к новому качеству. Принцип методологического институционализма позволяет «уловить» это новое институциональное качество, характеризующее макроуровень экономического анализа и не представленное напрямую на уровне индивидов. Речь идет о новом исследуемом явлении, о таких сплавах формальных и неформальных ограничений, которые действуют с неизбежностью «силовых линий» и структурируют общество (и его подсистемы) как исторически воспроизводящую

тренне чрезвычайно неоднородно и включает в себя исследования, в полной мере опирающиеся и на принцип методологического индивидуализма.

структуру человеческих взаимодействий. Институтам принадлежит системообразующая роль в общественной жизни, поскольку они поддерживают ее «каркас», формируют комплекс возможного и предсказуемого поведения, уменьшают неопределенность в обществе. Если нет институтов, то нет и социальных систем, разновидностью которых является экономика.

Итак, принцип методологического институционализма уже используется в ряде работ зарубежных и российских исследователей. И хотя ядро связанных с ним предпосылок только формируется, но методологи экономической науки уже могут его «высветить» в работах, относимых, например, к сравнительному институциональному анализу. Поскольку ученые данного направления заняты изучением экономических систем как целого, то они невольно опираются на принцип методологического институционализма, поскольку именно институты обеспечивают целостность исследуемых ими объектов.

Представленный О.И. Ананьиним свод общих методологических принципов этого направления, обозначаемого также как экономическая компаративистика, базируется на трудах Т. Купманса и М. Монтиаса, Э. Нойбергера и У. Даффи, работах В. Ойкена и регуляциониста Р. Буайе. Выделенный Ананьиним набор общих принципов, которых явно и неявно придерживаются специалисты в области сравнительного институционального анализа, включает в себя:

- холистический подход, при котором фокус исследования направляется на рассмотрение системы в целом, а не на поведение индивидов;

- разработку универсального и системно-нейтрального языка для описания исследуемых систем;

- определение изучаемой системы как институциональной структуры (институциональный подход, предполагающий построение базовой структуры институтов, или институциональных форм);

- формирование на этой основе типологии таких систем (сравнительно-типологический метод анализа);

- интерпретативную методологию, которая выражается в выявлении латентных обобщенных структур и затем осмыслении конкретных социальных систем как их частных случаев [1, с. 9-10, 12].

Приверженцами и «первыми последователями» принципа методологического институ-

ционализма в экономической теории мы полагаем великих классиков прошлого Карла Маркса (1818–1883) и Торстейна Веблена (1857–1929).

Для Маркса институты — хотя сам термин им практически не использовался — были основанием изучаемой с позиций исторического материализма «объективной реальности», к которой вынуждены приспособляться люди. В свою очередь, структура институтов (К. Маркс рассматривал такие сферы их действия, как экономика, политика и идеология) материально обусловлена уровнем развития производительных сил. Наконец, учет историчности институтов — впервые об этом Маркс писал в своем анализе экономического развития Западной Европы в XV–XIX вв. — также является особенностью марксистского экономического анализа.

Для Веблена институты также были частью его эволюционной картины мира. Как и Маркс, Веблен придавал важное значение технологическому фактору в становлении институтов, рассматривал их развитие как естественно-исторический процесс (частью которого являются революции). Именно Веблен сформулировал кредо экономической теории как эволюционной науки, которая «должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированной в терминах процесса» [8, с. 28].

Указание на особую роль Маркса и Веблена в становлении гетеродоксных направлений, часто реализующих, на наш взгляд, принцип методологического институционализма, содержится в книге нынешнего президента Association for Evolutionary Economics австралийского ученого Филлипа А. О'Хары «Маркс, Веблен и современная институциональная политическая экономия» [61].

Базирующиеся на принципе методологического институционализма гетеродоксные экономические исследования все чаще формируют новые исследовательские программы, которые направлены на изучение социально-экономической реальности, «не схватываемой» концептуальными схемами ортодоксальной экономики.

5. Заключение

Подытоживая проведенный анализ, во-первых, отметим, что принцип методологического индивидуализма формирует концептуальное ядро категорий экономического мейнстрима и

является его краеугольным камнем. Уже более столетия он сохраняет свое значение и служит опорой при построении экономических концепций. Приверженность поколений экономистов принципу методологического индивидуализма позволяет постоянно наращивать пояс теорий в рамках экономического мейнстрима, хотя прогностическая и объяснительная сила этих теорий все больше (особенно после последнего финансово-экономического кризиса) подвергается сомнению.

Во-вторых, за пределами экономического мейнстрима развивается направление так называемой гетеродоксной экономики, где принцип методологического индивидуализма не является популярным. Более важное значение имеет здесь принцип методологического институционализма. Он конкретизирует общеполитический холистический подход, применяемый при изучении социальных и экономических систем. В экономической и социологической теории основу его формирования заложили великие классики прошлого Торстейн Веблен и Карл Маркс, чтимые как в пантеоне социологов, так и экономистов, а также «чистый» социолог Эмиль Дюркгейм. В современной науке методологический институционализм «пробивает себе дорогу» в исследованиях в русле *path dependence*, системной парадигмы, *history matters* (история имеет значение), сравнительного институционального анализа и др., проводимых как экономистами, так и социологами.

В-третьих, предпосылки методологического индивидуализма (отражающего редукционистский подход в общественных науках) и методологического институционализма (соответствующего холистическому подходу) означают принципиально различные взгляды на характер функционирования и развития экономической системы, и потому вряд ли могут быть «синтезированы». Однако они могут параллельно использоваться, дополняя друг друга и позволяя получать более объемное знание об изучаемой реальности. «Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что на рубеже XX–XXI вв. появилось понимание правомочности более широкого подхода к исследованию экономических процессов, основанного на взаимодополняемости методологического индивидуализма и холизма» [36, с. 20].

В-четвертых, говоря о будущем экономической теории, мы согласны с тем, что «спасти парадигму мейнстрима, модифицировав ее должным образом, вряд ли возможно» [13, с. 38], несмотря на разного рода «сцепки»,

«сдвиги» и «повороты». Более предпочтительной, на наш взгляд, выглядит перспектива развития гетеродоксного экономического направления, осознающего свои методологические основания и развивающего методики количественного анализа сложной «институциональной реальности». Возможно, мы увидим создание «единой теории институциональной и производственной эволюции», что является невозможным, по мнению Ю. Я. Ольсевича [30, с. 7], но рассматривается в качестве одного вероятных векторов в работах У. Баумоля [3] и А. Г. Худокормова [46, с. 398]. Преодоление ограничений методологического индивидуализма станет, по нашему мнению, решающим шагом в этом направлении.

Список источников

1. Ананьин О. И. Компаративистика в методологическом арсенале экономиста. — М.: Институт экономики РАН, 2002. — 174 с.
2. Ананьин О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий. — М.: Институт экономики РАН, 2013. — 50 с.
3. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл. Вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. — 2001. — № 2. — С. 73-107.
4. Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России. Ретроспективный анализ. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. — 71 с.
5. Бессонова О. Э. Институциональная теория хозяйственного развития России: автореф. дис... д-ра социол. наук. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998.
6. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело ЛТД, 1994. — 687 с.
7. Бурдые П. // Большой толковый социологический словарь. — М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999. — Т. 2. — 528 с.
8. Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — Вып. 6. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
9. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1993. — Зима — Т. 1. — Вып. 1.
10. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Экономическая социодинамика. — М.: Изд-во «ИСЭПРЕСС», 2000.
11. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. — М.: Изд-во «Ольга», 1996. — 286 с.
12. Гурова И. П. Конкурирующие экономические теории. — Ульяновск: УлГУ, 1998. — 174 с.
13. Дози Дж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы. // Вопросы экономики. — 2012. — № 12. — С. 31-60.
14. Допфер К. Истоки мезоэкономики // Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие. Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14-15 сентября 2007, г. Пущино, Московская область / Отв. ред. В. Маевский, С. Кирдина. — М.: Институт экономики РАН, 2008. — 418 с.
15. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон. 1995. 352 с.
16. История экономических учений (современный этап). / Под общ. ред. А. Г. Худокормова. — М.: Инфра-М, 2007. — 733 с.
17. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Пер. проф. Н. Н. Любимова. — М.: Гелиос АРВ, 2012. — 352 с.
18. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России : изд. 2-е, испр. и доп. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. — 307 с.
19. Кирдина С. Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм. // Вопросы экономики. — 2014. — №10.
20. Кирдина С. Г. Модели экономики в теории институциональных матриц // Экономическая наука современной России. — 2007. — № 2(37). — С. 34-51.
21. Клейнер Г. Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории. // Вопросы экономики. — 2013. — № 6. — С. 4-28.
22. Литвинцева Г. А. Словарь терминов по институциональной экономике [электронный ресурс]. URL: <http://vocable.ru/dictionary/96> (дата обращения 12.02.13).
23. Марача В. Г. Структура и развитие науки с точки зрения методологического институционализма // Методология науки. Проблемы и история. — М.: ИФ РАН, 2003. — 820 с.
24. Маршалл А. Принципы экономической науки. Книга четвертая. Факторы производства. Земля, труд, капитал и организация. Гл. XIII. Заключение. Корреляция тенденций к возрастанию и убыванию отдачи [электронный ресурс]. URL: <http://exsolver.narod.ru/Books/Econom/Marshall/c34.html>. (дата обращения: 15.07.2012).
25. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. — М.: Изд-во «Дело». 2002. — 536 с.
26. Нестеренко А. Н. Экономика и институциональная теория. — М.: УРСС, 2002. — 416 с.
27. Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2001. — Т. 3. — 692 с.
28. Новый философский словарь [электронный ресурс]. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1332/ХОЛИЗМ (дата обращения: 18.12.2012).

29. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
30. Ольсевич Ю. Я. Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей. Предварительный анализ. — М.: Институт экономики РАН, 2013. — 46 с.
31. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс. // Экономическая социология. Электронный журнал. — 2002. — Т. 3. — № 2. [электронный ресурс]. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/692/586/1234/ecsoc_t3_n2.pdf
32. Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 368 с.
33. Ритцер Дж. Современные социологические теории. — СПб.: Питер, 2002. — 688 с.
34. Рубинштейн А. Я. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. — СПб.: Алетейя, 2008. — 560 с.
35. Рубинштейн А. Я. К теории рынков «опекаемых благ». — М.: Институт экономики РАН, 2008. — 63 с.
36. Рубинштейн А. Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии. // Общественные науки и современность. — 2012. — № 6. — С. 13-34.
37. Ситнова И. В. Институциональные изменения в современной России. Активистско-деятельностный подход. — М.: Перспектива, 2012. — 172 с.
38. Структура и воля. // Большой толковый социологический словарь. — М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999. — Т. 2. — 528 с.
39. Тамбовцев В. Л. Перспективы «экономического империализма» // Общественные науки и современность. — 2008. — № 5. — С. 129-136.
40. Теория капитала и экономического роста: учеб. пособие / Под ред. С. С. Дзарасова. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 397 с.
41. Фролов Д. П. Институционализм в метаконкуренции экономических теорий // Материалы научной сессии. Вып. 1: Экономика и финансы. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
42. Фролов Д. П. Методологический институционализм: новый взгляд на эволюцию экономической науки // Вопросы экономики. — 2008. — № 11. — С. 15-33.
43. Харрод Р. Теория экономической динамики / Пер. с англ. В. Е. Маневича; под ред. Гребенникова В. Г. — М.: ЦЭМИ РАН, 2008. — 210 с.
44. Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. — М.: Прогресс, 1993. — 499 с.
45. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. — М.: Дело, 2003. — 464 с.
46. Худокормов А. Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: учеб. пособие. — М.: Инфра-М, 2009. — 416 с.
47. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория : изд. 3-е. — М.: ТЕИС, 2002. — 591 с.
48. Ядов В. Россия как трансформирующееся общество. Резюме многолетних дискуссий социологов // Общество и экономика. — 1999. — №10-11. — С. 45-55; 24-37.
49. Ackley G. Macroeconomic Theory. — New York: The Macmillan Co, 1968. — 597 p.
50. Agassi J. Institutional Individualism // British Journal of Sociology. — 1975. — №26 (2).
51. Campagna A. Macroeconomics. — New York: St. Martin's Press Inc., 1981. — 627 p.
52. Colander D., Holt R., Rosser J. B.-Jr. The Changing Face of Mainstream Economics. // Review of Political Economy. — 2004. — No 16 (4).
53. Dequech D. Neoclassical, Mainstream, Orthodox, and Heterodox Economics. // Journal of Post Keynesian Economics. — 2007. — No 30 (2).
54. Eucken W. Die Grundlagen der Nationalökonomie. — Jena: Gustav Fischer, 1940. — 300 s.
55. Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. — Rowohlt: Reinbek, 1965. — 209 s.
56. Heilbroner R. Understanding Macroeconomics : 3rd ed. — New Jersey: Englewood Cliffs, 1970. — 248 p.
57. Keizer P. The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition // Working Papers. 07-25.
58. Tjalling C. Koopmans Research Institute. — Utrecht School of Economics, Utrecht University, 2007. — 21 p.
59. Lavoie M. Foundation of Post-Keynesian Economic Analysis. — Brookfield, Vermont, Edward Elgar, 1992. — 423 p.
60. Lawson T. The Nature of Heterodox Economics. // Cambridge Journal of Economics. — 2006. — No 30 (4).
61. O'Hara P. A. Marx, Veblen and Contemporary Institutional Political Economy: Principles and Unstable Dynamics of Capitalism. — Cheltenham, U.K; Northampton, Mass.: Edward Elgar, 2000. — 384 p.
62. Schumpeter J. On the Concept of Social Value // Quarterly Journal of Economics. — 1909. — Vol. 23.
63. Toboso F. On institutional individualism as a middle way mode of explanation for approaching organizational Issues [chapter 10 in Mercurio, N. (Ed.). Alternative Institutional Structures. Evolution and Impact]. — London: Routledge, 2008. — 430 p.
64. Udehn L. Methodological individualism: Background, history and meaning. — London: Routledge, 2001. — 464 p.
65. Woodford M. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // American Economic Journal. Macroeconomics. — 2009. — No 1(Jan.).

УДК 330.88

Ключевые слова: экономическая теория, методологический индивидуализм, методологический институционализм